

УДК 101.1:316

***ФИЛОСОФИЯ АНАРХИИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ***

Симашенков П.Д.

к.ист.н.

Университет «МИР»

Самара, Россия

Аннотация. Статья посвящена разграничению понятий анархии и анархизма. Анализируя закономерности анархизации, автор приходит к выводу о том, что катализатором анархии является бюрократия, дискредитирующая государственную власть. Решение проблемы, по мнению автора, может основываться на переосмыслении славянофильских "анархо-монархистских" идей, изучении отечественных традиций патернализма, способных оздоровить как российскую государственность, так и социальную этику.

Ключевые слова: анархия, анархизм, социальная философия, власть, государство, бюрократия, чиновничество.

***PHILOSOPHY OF ANARCHY:
ON THE PROBLEM DEFINITION***

Simashenkov P.D.

PhD, Associate Professor,

“IMI” PA University,

Samara, Russia

Abstract. The article is devoted to the differentiation of the concepts of anarchy and anarchism. Analyzing the patterns of anarchization, the author comes to the conclusion that the catalyst for anarchy is the bureaucracy that discredits the state power. The solution to the problem, according to the author, can be based on a

rethinking of Slavophil" anarcho-monarchist " ideas, the study of domestic traditions of paternalism, which can improve both Russian statehood and social ethics.

Keywords: anarchy, anarchism, social philosophy, power, state, bureaucracy, officialdom.

Актуальность темы определяется социальной ситуацией, для которой характерно нескрываемое возмущение чиновничьим произволом и, как следствие, нарастание протестной активности. Заметим: политическая история России являет собой блеск и нищету диалектики, олицетворяя безвыходность отрицания отрицания народа — властью и власти — народом [8]. Это как два зеркала напротив друг друга: бесконечность отсутствия перспективы, "жизнь под игом безумия"[7]. Следовательно, рассмотрение проблемы исключительно в ракурсе государственного управления — не даст ничего, кроме тенденциозных измышлений, извращающих отечественную культуру и откровенно ей враждебных.

Прежде всего стоит задуматься: что есть власть? Ответ на (вроде бы, очевидный) вопрос — далеко не однозначен. К примеру, известнейшая апостольская формула "несть бо власть аще не от Бога" (Рим. 13:1) задана как двойное отрицание. Можно ведь трактовать и так: "нет — власти, если та не от Бога". Вот в этом "аще" (коли-ежели) — по нашему разумению, вся соль. К тому же, смиренно повиноваться (поступать по слову) и быть послушными (поступать по воле) — вещи весьма несхожие.

Власть свыше непостижима, она в горькой правде необратимости деяний и неотвратимости ответственности за них. Власть человечья — дрессура, ультимативное и тотальное насилие, обременяющее чем угодно, кроме выбора. Оно безвыходно и беспардонно, руководствуется правилами крайней необходимости, превращая живую душу в предмет манипуляций. Субъект власти — одновременно объект её ненасытности: "чудище обло, озорно, огромно стозевно и лай". Такая двойственность подневольности способна

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

причудливо деформировать характеры сильных мира сего. Не оттого ли выдающиеся отечественные правители-преобразователи (они же, чаще всего, тираны и деспоты), возможно, были в глубине души отчаянными (или отчаявшимися) анархистами?

Оговоримся: анархизм искажён множеством стереотипов; самый расхожий — образ разухабистого морячка, крест-накрест перетянутого пулемётными лентами. Дабы избежать модного ныне блогерского популизма, считаем необходимым определиться с терминологией. Мы убеждены: анархизм восстаёт против политики, тогда как анархия является её порождением.

"Не справедливо ли будет, если мы назовём "анархическим" такое состояние общества, когда оно самодовольно засыпает?" — заявлял М. Салтыков-Щедрин. Стало быть, анархия — в господстве бессознательного автоматизма; это псевдо-равноправие, броуновское движение самолюбий и амбиций. Наглядный пример — пресловутая рыночная экономика, тотем колониальной "демократии на экспорт". Интеракции здесь скорее даже не беспорядочны, а стихийны — т.е. обусловлены произвольными реакциями на внешние раздражители (как тут не вспомнить модный тренд "ответов России на вызовы"?) Предусмотренная "гармония рынка" столь же иллюзорна, как и обывательский миф о "воле цыганской". На поверку — суровое царство необходимости: с жёсткой кастовой иерархией и господством причинности и компенсаторности (талиона). Бездействие (или недееспособность) государства актуализирует беспощадные законы выживания. В лучшем случае в одичавшей популяции сохраняются табу, в худшем — возобладает неизбирательная "объективность" естественного отбора: неспроста П. Кропоткин, изучая анархию, проводил аналогии животным миром [4]. Следовательно, анархия есть хаос управленческий и потому вполне управляемый — вот над чем впору поразмыслить изучающим колониальную политику т.н. "развитых стран".

На постсоветском пространстве методично насаждается типа-либеральный способ разрешения от бремени власти: фрагментация, Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

низведение её до полномочий с последующим их делегированием — как сдача мелочью. При этом отвлеченно-декларативные юридические гарантии призваны-де заменить вечное "мне отмщение, и аз воздам". По большому счёту, циничный нигилизм в векторе развития права присутствует изначально, ибо сермяжная суть всякой судебной тяжбы — отсрочить высшую справедливость, запутав дело в земных инстанциях. Сгладить, нивелировать неотвратимость ответственности. Торговаться с правосудием, поначалу заменив кровную месть вирой, а потом уклониться от расплаты: от расчёта в рассрочку (далее со всеми остановками) до процедуры банкротства. В итоге даже концепт правового государства (по остроумному замечанию А. Карташёва) "рассматривается по-адвокатски, как некое анонимное общество на паях, где права и вес покупаются простым акционерством, даже не вкладничеством"[2].

Разумеется, в подобных условиях собственно власть отходит на второй план. Благополучие мещанина обусловлено, главным образом, безопасностью — статусом, нишей в "пищевой цепи": такой расклад называют "стабильностью вертикали". Чиновники — те же буржуа, обыватели власти, мечтающие прихватизировать квадратные метры насиженных мест в министерствах и департаментах. Бытие их сугубо меркантильно, а сознание сужено рамками регламента — отсюда рефлекторное следование директивам и ещё более ценным указаниям. Государство само отрицает себя, превращая властный аппарат в административный механизм, безответственно-уполномоченные запчасти которого незамысловаты и легко заменяются. Вместо усложнения системы — нагромождение и запутывание структуры, процедурно-помпадурные интриги.

Бюрократы, по нашему разумению — главные разносчики анархии. Они, блюстители и адепты властной обрядности, не более чем её антураж, безликие и безглагольные статисты. Сознывая свою никчёмность, чиновники меньше всего склонны быть "государственниками", ведь им не понаслышке известно, кем загажены социальные лифты. Более того, если вне политической повестки Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

бюрократы ещё просто жулики, то с учётом политконтекста — уже враги народа. Следовательно, их расчёт — на влиятельного барина-покровителя да на "ход вещей", социальную инерцию.

Встраиваясь в аппарат, функционеры вынуждены приноравливаться и к верхам и к низам, выступая посредниками "консенсуса" (чаще и проще всего — рыночного, торгашеского). Экзистенция откупщика власти если и условно легальна, то фактически неправомерна. Бюрократ видит в коллегах конкурентов, а в соотечественниках — доносчиков, оттого и пребывает в вечной ажитации — "на измене", как говорят в местах, от которых чиновникам грех зарекаться. Словом, коррупционная "экономика" бюрократии — облигатно присваивающая, ресурсозависимая; здесь не может идти речи о каком-либо "производстве", включая даже производство порядка. Словами В. Ключевского, "в России даже анархия воспитана и разведена на казённый счёт"[3].

Отстаивая шкурный интерес, чиновник извращает и само понятие преемственности, отождествляя мёртвую рутину с вечно живой традицией. Это блестяще описано К. Марксом: "так как бюрократия делает свои "формальные" цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с "реальными" целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное" [5]. Бюрократы — приверженцы не процессуального порядка, но материального режима; им выгоднее допустить самоуправство, чем развивать самоуправление. Анархия, как мы убеждены, есть существование "по умолчанию" государства, а не без него.

В благословенные советские времена слово "чиновник" было для партийных работников если не оскорблением, то болезненным критическим замечанием, едва ли не стигмой. Ныне засевающие у кормила любую критику себя любимых объявляют разрывом скреп и подрывом устоев: это, дескать, "слово и дело государево"! Морали вообще трудно ужиться с политикой — слишком уж последняя эффекто-ориентирована. Политика — последнее прибежище бездарности, а вот для подлого приспособленца она — единственный способ

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

заполучить авторитет и положение. Под гнётом монструозно-официозной махины жизнь общественная закономерно мельчает, съёживаясь до приятельских посиделок с кухонными спорами и горькими шутками про власть имущих.

Анархизм апеллирует к сознательности, способной преодолеть как социальную апатию, так и властную анархию. Согласимся с М. Пришвиным: поступать бессознательно — обыкновенно по желанию, а сознательно — значит, против желания [6]. Истинное чувство долга состоит в торжестве над искушением выбора. По Г. Ибсену, большинство имеет за собой власть, но не право; меньшинство всегда имеет за собой право. Вероятно, великий норвежский драматург имел в виду моральное право, а вовсе не рыхлую совокупность казённых предписаний — поскольку нет нужды в государстве, коему безразлично нравственное состояние народа. Примечательно: снова (как и в апостольской фразе) формула двойного отрицания!

М. Вебер определял политику через стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государств [1]. Господство большинства — всего лишь вопрос перевеса силы. Получается, ключевая идея — в антагонизме без арбитра и вообще без третьей стороны. Тут строго субъект-объектные отношения, причём каждый мнит себя исключительно субъектом и тщится отстоять собственный интерес. В итоге все упорствуют в типовом заблуждении: думая, будто власть и свобода — синонимы.

Разумеется, понятие власти напрямую связано со свободой, которая имеет, в свою очередь, две ипостаси, в чём-то сходные с видами энергии: потенциальную (независимость) и кинетическую (произвол и риск). Важно отметить: риск не право, скорее — осознанная необходимость вмешаться в ситуацию без гарантий успеха и даже элементарной безопасности. Твёрдая воля и внутренняя независимость делают человека морально готовым к риску. Таков образ русского "витязя на распутье": чтобы взять на себя ответственность, мало

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

быть просто отзывчивым (т.е. "ответствовать"); необходимо в известном смысле превзойти инстинкт самосохранения, а это уже само-отверженность.

Естественно, сие априори чуждо бюрократу; его задача — сохранить несправедно полученный статус (а коли доведётся заползти повыше — то не рискуя, по "лествичной системе", автоматически занимая опустевшее кресло). Это даже не вассалитет, а вовсе немудрёная схема иерархического сервиса; эдакое "фрактальное холопство", в основе которого "аромат власти", авторитет занимаемой должности. Именно им обеспечивается влияние по умолчанию, без принуждения и грубого насилия.

Бюрократия сильна массовостью и адаптивностью — стало быть (в силу умственной и нравственной ничтожности) способна лишь паразитировать на авторитете, подрывая тем самым доверие к государству. Скажем больше: чиновным представителям власти надлежит при случае прикрыть её предстоятелей от народного возмущения. Однако хрестоматийная схема хорошего царя при плохих боярах не работает там, где боярами мнит себя вся царская дворня: функционеры настолько деперсонализированы, что волей-неволей трудно изобличить в злоупотреблениях кого-то конкретного. Как следствие этого — огульное отрицание системы, и именно в лице конкретных предстоятелей. Таким образом, бюрократизация власти катализирует и потенцирует упадок государства.

По нашему мнению, к анархии приводит не столько отсутствие порядка, сколько дефицит порядочности (для политики — дело обычное). Где практикуются соглашения, бытует соглашательство вместо согласия. Значит, первопричина — вовсе не кризис власти, а кризис веры [9], спровоцированный разжиганием антагонизма, электоральными скандалами, реваншистским ажиотажем и прочими методиками откармливания масс политическим фаст-фудом, коих цель — дестабилизация, социальное и нравственное разложение общества на особей, не способных отличить гражданственность от лояльности.

Мы убеждены: первопричиной анархии является цепная реакция вследствие расщепления властного ядра на разного рода гос.услуги. Бесхозная, отслоившаяся от привилегий и полномочий (а главное — от ответственности), власть становится желанной находкой для готовых рискнуть. Первыми в очереди — уголовники: как говорится "кто не рискует, тот в тюрьме не сидит". За ними — разного рода "свободные радикалы" от политики, маргинальная богема и прочие катализаторы смуты.

Анархия — это приоритет случайного над вечным. Анархизм есть приоритет закономерного над случайным. При этом следует помнить, что случайность незаконна, а закономерность всегда упадочна, вот отчего анархия изживает себя в личностях анархистов. Вспомним не по годам мудрого Сен-Жюста: "Мы охотно считаем себя ригористами в делах принципов, но, как нередко встречается, придя к власти, отбрасываем принципы, ставя на их место свою волю". Анархизм всегда отталкивается от актуальной формы власти — сиречь от политического режима. Однако сущности и содержания власти не отвергает, как и факта её социального бытия, ибо не по Гавриле принцип. Таким образом, анархизм одномерен в своей протестной направленности и неизбежно увязнет в политическом болоте, плутая по адовым дорожкам благих намерений.

Анархия — беда общая, в то время как анархизм личностен и конкретен. Анархист прельщает еретически-отчаянным настроением и энтузиазмом деструкции; в нём кипит недовольство конкретными *условностями* власти, выстраданный и потому убедительный протест против институтов и учреждений: "ныне суд есть миру сему: ныне князь мира сего повержен будет долу" (Ин., 12.31). Стало быть, анархизм — за власть *безусловную*, другого не дано. Полагаем, разрешение дилеммы "анархия-анархизм" следует искать в переосмыслении славянофильских "анархо-монархистских" идей, проявляя пристальный и принципиально неполитизированный интерес к отечественным

традициям патернализма, способным оздоровить как российскую государственность, так и представления о социальной этике.

Библиографический список:

1. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 693с.
2. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. – Париж, 1956. – 251с
3. Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и очерки. – М.:Эксмо, 2007. – 480с.
4. Кропоткин П.А. Анархия и нравственность. – М.:Эксмо, 2018. – 608с.
5. Маркс .К, Ф. Энгельс Ф. Сочинения. – М., 1971. – Т.3. – С.16
6. Пришвин М.М. Дневниковая проза. – Т.1. 1918-1921. – М.2007, – 528с
7. Салтыков-Щедрин М. Собрание сочинений в 20 т. / Салтыков- ЩедринМ. – М.: Художественная литература, 1966. – Т. 19. – 552 с
8. Симашенков П.Д. О преемственности в политической истории России // Культура и образование: от теории к практике. 2015. – Т. 1. № 1. – С. 27-31
9. Pavel D. Simashenkov. Ideological surpassing of Philosophy // Modern European Researches. – Salzburg, 2019. – №4. – P. 54-62.

Оригинальность 76%